НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.

Профессоръ Р. Ю. Виппер.

СОЦІАЛИЗМЪ
И
СОЦІАЛЬНАЯ РЕФОРМА.

НХ
220

Цѣна 30 коп.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

1917.

НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1.

Профессоръ Р. Ю. Виппер.

СОЦІАЛИЗМЪ
И
СОЦІАЛЬНАЯ РЕФОРМА.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

1917.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1968
27

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій п., д. 3.
1917.

Соціализмъ и соціальная реформа.

Мы всѣ ожидаемъ въ близкомъ будущемъ соціальной реформы, т. е. преобразованія общества на началахъ справедливости, равенства и свободы. Наиболѣе настойчиво требуютъ общественнаго переустройства соціалисты. Если судить по недавнему торжеству краснаго знамени, можетъ казаться, что предстоитъ немедленное проведеніе въ жизнь идей, проповѣданныхъ соціалистами. Въ виду этого крайне важно дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое соціализмъ, какова его идеальная и практическая цѣнность.

I.

Намъ, людямъ стараго поколѣнія, прежде всего вспоминается время зарожденія соціализма въ Россіи—70-ые годы прошлаго столѣтія. Соціализмъ находился тогда подъ строжайшимъ запретомъ, но тѣмъ большимъ очарованіемъ были окружены для насъ образы соціалистовъ. Чудилось что-то величавое и жуткое въ ихъ замыслахъ, въ ихъ ученіи. Въ самомъ дѣлѣ: среди полнаго молчанія общества, ничтожная кучка республиканцевъ осмѣливалась бросать вызовъ власти, опиравшейся на громадныя средства. Программа этихъ людей, обладавшихъ неслыханнымъ мужествомъ, соединяла въ себѣ все, что нашъ вѣкъ считалъ идеаломъ культурнаго человѣчества: прекращеніе войнъ и конецъ эксплуатаціи

человѣкомъ человѣка; свобода народовъ и свобода личности; торжество трудовой массы, возстановленіе естественнаго права земледѣльца на землю. Казалось, соціализмъ обѣщаетъ безконечный прогрессъ въ будущемъ и въ то же время собирается возстановить какой-то старинный рай патріархальной коммуны.

Преслѣдованіе соціалистовъ, разумѣется, лишь поднимало сочувствіе къ нимъ. Мало кого останавливала неясность и противорѣчивость ихъ цѣлей и желаній. Видно было только одно: что другимъ не доспѣть за несокрушимымъ геройствомъ этихъ передовыхъ бойцовъ культуры.

Съ тѣхъ поръ прошло около 40 лѣтъ. У насъ сложилось нѣсколько соціалистическихъ партій, которыя успѣли сдѣлаться крупными силами. Литература обогатилась рядомъ выдающихся произведеній соціалистическихъ писателей. Всѣ спѣшатъ засвидѣтельствовать свою прикосновенность къ соціализму. Наша большая либеральная партія во второй разъ послѣ 1905 года заявляетъ о своемъ сочувствіи соціалистической программѣ. Хочется спросить: «Кто-же теперь не соціалистъ?» Значитъ ли однако этотъ огромный внѣшній успѣхъ, что соціалистическое міровоззрѣніе стало дѣйствительно общимъ достояніемъ? Сдѣлался ли соціализмъ яснѣе, крѣпче въ себѣ и практичнѣе?

Нѣтъ, надо признать, что соціализмъ и сейчасъ остается той же неопредѣленной грушой идей, какой онъ былъ 40 и 50 лѣтъ назадъ, когда мы волновались отъ этого загадочнаго, волшебнаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ только взглянуть, какъ велико расхожденіе между соціалистами. Называютъ себя соціалистами горячіе, нетерпѣливые поклонники техническаго и промышленнаго прогресса. По ихъ мнѣнію, пока человѣчество не используетъ всѣхъ даровъ природы, всѣхъ ея скры-

тыхъ силъ, пока капиталъ не получитъ простора во всѣхъ отстающихъ странахъ, пока производство не дойдетъ до высшей степени напряженія, не можетъ быть соціальной реформы, не можетъ быть прочнаго улучшенія участи рабочихъ. Но вѣдь соціалистами называютъ себя также величайшіе враги капитализма, сторонники земельной общины, почитатели крестьянской республики, замыкающейся въ быту скромномъ и непритязательномъ.

Дальше—другая противоположность. Одни соціалисты вѣруютъ во всесильное государство: они представляютъ себѣ громадный сложный коллективъ труда подъ руководствомъ обширной сѣти централизованной администраціи. Другіе считаютъ государство въ какомъ-бы то ни было видѣ великимъ зломъ и деспотомъ; эти соціалисты-анархисты вѣруютъ въ свободный союзъ мелкихъ, вполнѣ самостоятельныхъ общественныхъ группъ.

Сильно расходятся между собою соціалисты и въ вопросѣ о правахъ національности. Мы слышимъ сейчасъ требованіе самоопредѣленія націй. Громче всего за него ратуетъ извѣстная часть соціалистовъ. Но въ то же время есть другіе, которые продолжаютъ настаивать на томъ, что у пролетаріата нѣтъ отечества; они вѣруютъ не въ сплоченность націй, а въ интернаціоналъ, т.-е. въ единеніе рабочихъ, всѣхъ странъ противъ другихъ классовъ всѣхъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ. Расколъ между этими двумя группами соціалистовъ существовалъ задолго до войны; подъ вліяніемъ войны онъ лишь усилился.

Глядя на эти противорѣчія, невольно себя спрашиваешь: «да существуетъ ли соціализмъ, какъ нѣчто цѣлое и общее, не сводится ли онъ только къ слову?». А вѣдь слово «соціализмъ» значитъ очень немного; его можно перевести «общественность, солидарность, соединеніе». Подобный терминъ

способенъ покрыть собою исключающіе другъ друга взгляды и понятія.

Разберемся нѣсколько въ исторической судьбѣ соціализма, и посмотримъ, подъ вліяніемъ какихъ фактовъ сложились его главныя направленія.

II.

Необходимо съ самаго начала различать два вида соціализма, глубоко непохожихъ другъ на друга. Назовемъ ихъ, одинъ *консервативнымъ*, охранительнымъ, другой—*прогрессивнымъ*, передовымъ.

Оба вида соціализма согласны лишь въ одномъ. Соціалисты всѣхъ оттѣнковъ одинаково возстаютъ противъ безграничной свободы личности, противъ нынѣшней неистовой промышленной конкуренціи; всѣ одинаково сходятся въ томъ, что современное общество погибаетъ отъ индивидуализма или эгоизма, доведеннаго до крайности. Но сходясь въ опредѣленіи болѣзни, они рѣшительно расходятся въ средствахъ леченія. Одни зовутъ назадъ къ древней общинѣ или коммунѣ, къ скромнымъ потребностямъ, къ тихому деревенскому быту. Другіе, напротивъ, видятъ выходъ въ усиленномъ ростѣ производства, въ ускоренномъ обмѣнѣ, въ торжествѣ капитала; лишь послѣ того, какъ общество выработаетъ новыя великія богатства, оно сможетъ утолить нужды массъ и устроить справедливый порядокъ.

Ученія консервативнаго соціализма, или, какъ раньше говорили, коммунизма, возникли вмѣстѣ съ первыми нашествіями торговаго и денежнаго капитала, выступившаго безпощаднымъ завоевателемъ. Рѣзко обнаружились противоположности въ XVI в., когда были открыты богатыя золотомъ области, когда начался подвозъ восточно-азіатскихъ дико-

винокъ, пряностей, фарфора, шелка, крашенныхъ ситцевъ, когда новыя потребности высшихъ и среднихъ классовъ взвинтили цѣны, понизили заработки и повели къ усиленнымъ поборомъ съ земледѣльцевъ. На новыя тягости крестьяне отвѣчали рядомъ возстаній во многихъ странахъ Европы. Ихъ желанія, ихъ цѣли, весьма туманныя, взялись выразить сектантскіе проповѣдники, которыхъ въ эпоху реформаціи звали анабаптистами. По ученію радикальныхъ сектантовъ, деревенская община согласна съ евангельской проповѣдью Христа; права пахарей на землю, святыя естественныя права. Начала общиннаго, коммунистическаго строя должны быть распространены на всѣхъ людей; всѣ должны одинаково трудиться; пусть исчезнетъ блескъ городского и придворнаго быта.

Въ своемъ стремленіи возродить какую-то древнюю святую жизнь коммунисты, защищавшіе крестьянство, впадаютъ въ односторонность: они не хотятъ признавать законность въ человѣкѣ влеченія къ богатству, къ достатку, къ матеріальнымъ удобствамъ; они мало цѣнятъ науку, искусство, завоеванія техники. Они забываютъ, что само земледѣліе въ концѣ-концовъ опирается на систему знаній, что оно не можетъ существовать безъ ремесла, что ему нужны городскіе потребители.

Односторонность земледѣльческаго коммунизма остается характерной его чертой и въ послѣдующую пору. На Западѣ его ученія получили особенную силу въ концѣ XVIII в. близко къ эпохѣ великой французской революціи. Въ это время городской капиталъ сдѣлалъ новый сильный натискъ на деревню. Въ литературѣ заговорили настойчиво о томъ, что необходимо покинуть устарѣлые хозяйственные пріемы, завести, вмѣсто трехпольной системы, многополье, травосѣяніе, устранить стѣснительную черезполосицу. Въ имѣ-

ніяхъ появились предпріимчивые арендаторы-капиталисты, энергическіе управляющіе, которые стали дѣйствовать въ духѣ раціональнаго хозяйства; быстро пошли раздѣлы общинныхъ земель.

Крестьяне ощущаютъ всю тяжесть капиталистическаго хозяйства, развивающагося по сосѣдству; у нихъ ускользаютъ изъ подъ рукъ запасы общинной земли; арендныя цѣны растутъ; они остро чувствуютъ теперь свое малоземелье. Кажется, точно на деревню надвигается отовсюду невидимый врагъ: и крестьяне всей Европы глухо волнуются. Во время великой французской революціи деревенскіе жители врывались въ помѣщичьи усадьбы и мстили господамъ приблизительно такъ же, какъ въ наши дни.

Въ крестьянскихъ движеніяхъ всегда ясны мотивы, но крайне неясны цѣли, и это объясняется отсталостью крестьянства, которое образуетъ обломокъ отжившаго строя, отодвинутый высшими классами отъ политики и безсильный выработать собственную программу. Въ трудномъ положеніи находятся и защитники крестьянства, тѣ ученые, писатели, и ораторы, которыхъ у насъ называли народниками. Они стараются уловить въ жизни народной массы ея привычки и наклонности и составляютъ изъ нихъ храмину политической и экономической мудрости. Они забываютъ, что старинный свободный бытъ крестьянства исчезъ давно и оставилъ очень мало глухихъ воспоминаній; но главное, что деревня прошла суровое испытаніе крѣпостного права, которое разстроило и подточило ея силы.

Въ XIX вѣкѣ земледѣльческій коммунизмъ на западѣ уже не имѣлъ выдающихся представителей. И это потому, что крестьянскій міръ претерпѣлъ большія перемѣны. Мѣстами крестьянство, какъ классъ, вовсе исчезло, напр. въ Англіи, въ сѣверной Италіи, въ извѣстныхъ частяхъ Пруссіи.

Мѣстами, какъ напр. во Франціи, въ южной Германіи, крестьянство уцѣлѣло, сохранило землю, но приспособилось къ новому промышленному строю. Какъ это произошло? Община всюду рушилась, ея запасы раздробились, сельское хозяйство приняло всѣ пріемы единоличнаго предпріятія, крестьянинъ сталъ маленькимъ капиталистомъ.

Между тѣмъ какъ народничество потеряло въ Западной Европѣ всякую почву и основаніе, оно расцвѣло въ Россіи. Причины понятны. Ни въ одной странѣ міра сельское населеніе не имѣло такого численнаго перевѣса, какъ у насъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ сохранилась община, когда на Западѣ не осталось уже слѣдовъ ея. Однако и въ Россіи въ быту крестьянства происходилъ кризисъ, и наше соціалистическое народничество было отзвукомъ бѣдствій деревенскаго міра, утѣсняемаго капитализмомъ.

Соціализмъ народниковъ нигдѣ не привлекъ столько блестящихъ талантовъ, какъ у насъ: достаточно назвать такихъ публицистовъ, литераторовъ и ученыхъ, какъ Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій, Щедринъ, Левъ Толстой, Глѣбъ Успенскій, Чупровъ, Каблуковъ, Посниковъ. Журналъ «Отечественныя Записки», главный органъ народниковъ, стоялъ въ 70-хъ годахъ въ центрѣ нашего общественнаго движенія. Цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ, за невозможностью практической работы на пользу деревни, отдались статистическому и техническому описанію ея быта.

Знаніямъ, энергіи, художественнымъ дарованіямъ народниковъ не отвѣчала ихъ практическая программа: она остановилась на консервативной утопіи, на прославленіи общины. Многіе народники готовы были, ради утоленія земельной нужды крестьянства, пожертвовать и политической свободой, и внѣшней мощью государства, и успѣхами индустріи, и вопросами просвѣщенія.

На ряду съ соціалистами-народниками и въ оппозиціи къ нимъ появились у насъ къ концу XIX в. послѣдователи прогрессивнаго соціализма, примкнувшіе къ ученію Маркса. По примѣру германскихъ марксистовъ они назвались *соціалъ-демократами*. Продолжатели стараго народничества стали называться (уже въ XX в.) народно-соціалистами, соціалистами-революціонерами, какъ партія въ Думѣ трудовиками.

III.

Соціалъ-демократы представляютъ противоположность консервативному соціализму во всемъ: въ пониманіи историческаго развитія, въ оцѣнкѣ современности, въ программѣ дѣятельности. Они привѣтствуютъ разрушеніе общины и вообще стараго деревенскаго уклада, потому что видятъ въ нихъ помѣху побѣдоносному шествію капитализма. Они преклоняются передъ великимъ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ новѣйшаго времени.

Такой характеръ прогрессивный соціализмъ принимаетъ уже у своего перваго представителя на западѣ,—Сенъ-Симона, современника Наполеона I. Трудно найти человѣка, который бы вѣрилъ болѣе восторженно въ художественно-творческія, изобрѣтательскія и соціальныя силы новой промышленности. Для Сенъ-Симона трудъ вполнѣ совпадаетъ съ разумомъ, знаніемъ, искусствомъ; промышленная дѣятельность соединяетъ въ себѣ и высшую артистичность, и высшую нравственность. Вопросъ соціальный, участь массы народа рѣшается силою того же генія, который вдохновляетъ капиталистическія предпріятія. Все общество, по мнѣнію Сенъ-Симона, раздѣляется на два класса: безплодный, лѣнивый и трудовой, производительный. Къ первому принад-

лежатъ получатели ренты, землевладѣльцы, чиновники; ко второму—одинаково и рабочіе, и фабриканты, и труженики интеллигентные. Рабочіе и предприниматели—люди одного разряда; вся трудовая армія спаяна однимъ духомъ; капиталисты—ея вожди, и они поведутъ рабочихъ по пути богатой, разнообразной, вѣчно живой культуры.

Недолго удержался прогрессивный соціализмъ на этихъ оптимистическихъ мечтахъ. Вѣра Сенъ-Симона въ великодушіе банкировъ и фабрикантовъ объясняется тѣмъ, что въ его время крупная промышленность едва расправляла крылья; въ положеніи рабочихъ не успѣли еще сказаться тѣ бѣдственныя условія, которыя отличаютъ жизнь позднѣйшихъ пролетаріевъ. Во Франціи буржуазія, желая свергнуть династію Бурбоновъ, враждебную промышленному капиталу, ухаживала за рабочими. Въ іюлѣ 1830 года хозяева послали рабочихъ на баррикады, снабдили ихъ оружіемъ и заплатили за боевые дни.

Слѣдомъ за этой революціей, сдѣланной студентами и рабочими, произошла однако рѣзкая перемѣна. Какъ-то сразу въ Парижъ нахлынула цѣлая стая хищниковъ и ростовщиковъ. Въ новой законодательной палатѣ собрались сытыя звѣроподобныя фигуры въ перемежку съ лицемѣрными доктринерами, которые открыто объявили богатство привилегіей на власть. Геніальный художникъ Домье увѣковѣчилъ намъ этотъ «законодательствующій животъ» Франціи; онъ изваялъ бюсты буржуа въ видѣ прожорливыхъ гориллъ съ чудовищными челюстями, зубастыхъ и узколобыхъ; передъ нами страшныя карикатуры на тѣхъ «отцовъ народа», которымъ хотѣлъ довѣриться пламенный пророкъ Сенъ-Симонъ.

Король по вкусу этихъ стяжателей, Луи Филиппъ, самъ погрязшій въ своихъ семейныхъ и денежныхъ дѣлишкахъ,

однажды принималъ депутацію рабочихъ, пришедшихъ жаловаться на свою судьбу; онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ сказать циническую фразу: «Я могу только вздохнуть вмѣстѣ съ вами». Впрочемъ, Луи Филиппъ спокойно могъ сослаться на тогдашнее ученіе либераловъ, утверждавшихъ, что, ради дорогого принципа свободы, государство не должно вмѣшиваться въ отношенія между предпринимателями и рабочими.

На другой сторонѣ стягивается громадная армія труда, сѣрая, однообразная, истощенная, обнищавшая. цѣлыя вереницы искусныхъ мастеровъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, располагавшіе своимъ домомъ и досугомъ, растившіе въ спокойномъ достаткѣ свои семьи, превратились въ безпріютныхъ скитальцевъ, стали тѣнями, жалкимъ подобіемъ людей.

Ихъ участь навѣваетъ англійскому сатирику Карлейлю слѣдующія слова: «Черное, преступное раздраженіе снѣдаетъ ихъ,—подлѣйшее чувство, какое только можетъ жить въ человѣческой груди... Современный міръ для нихъ—не родное жилище, а темная, глухая тюрьма, которая полна безумныхъ, безсмысленныхъ мукъ, бунта, злобы, ненависти къ себѣ и ко всѣмъ людямъ.—Да полно, вправду-ли передъ нами зеленѣющій, цвѣтущій міръ, сотворенный и управляемый божествомъ? а, можетъ быть, вѣрнѣе, это—мрачно кипящій котелъ, полный сѣрной кислоты, хлопковой пыли, водочнаго угара, бѣшенства и мучительной заботы, созданный и управляемый дьяволомъ?».

Энгельсъ, начинающій писатель-соціалистъ, считаетъ богатые, высшіе классы преступной бандой, которая разбойнически губитъ рабочихъ. «Когда одинъ человѣкъ наноситъ другому тѣлесное поврежденіе, влекущее за собою смерть, и знаетъ напередъ, каковы будутъ результаты дѣйствія, мы называемъ его поступокъ предумышленнымъ убійствомъ. Но

когда цѣлое общество доводитъ сотни пролетаріевъ до такого состоянія, что они подпадаютъ преждевременной неестественной смерти, смерти столь же насильственной, какъ отъ ножа или отъ пули; когда оно отнимаетъ у тысячъ пролетаріевъ необходимыя средства жизни и ставитъ ихъ въ условія, въ которыхъ они не могутъ жить, а затѣмъ давленіемъ закона заставляетъ ихъ оставаться въ этихъ условіяхъ, пока не наступитъ естественное ихъ слѣдствіе—смерть; когда общество великолѣпно знаетъ, что эти тысячи должны пасть жертвой такихъ условій и все-таки оставляетъ ихъ въ силѣ, то это—такое же предумышленное убійство; какъ преступленіе отдѣльнаго убійцы; только это — скрытое, коварное убійство, противъ котораго нѣтъ защиты».

Среди этого кромѣшнаго ада новѣйшаго времени создаются величайшіе таланты соціализма: Луи Бланъ, Прудонъ, Лассаль, Энгельсъ, Марксъ. Всѣ они—замѣчательные ученые и мыслители. Что же они могутъ сказать отъ имени науки о великихъ бѣдствіяхъ, на которыя обречена большая часть человѣчества, несмотря на достиженіе столь высокой культуры?

Соціалисты середины XIX вѣка признаютъ роковой, неустранимый характеръ общественнаго движенія, которое ведетъ къ обнищанію массъ. Большинство ихъ соглашается съ защитниками капитализма въ томъ, что есть въ человѣческомъ мірѣ желѣзный законъ заработной платы, подобный законамъ природы: въ силу него въ обществѣ, гдѣ разъ получилъ господство капиталъ, рабочіе не могутъ надѣяться на постепенное улучшеніе своей участи: они всегда останутся на уровнѣ такого заработка, который только что достаточенъ для того, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти. И вотъ почему: стоитъ увеличиться ихъ вознагражденію, и они начинаютъ раньше заключать браки, производить больше дѣтей, и заработная плата, распредѣляясь между большимъ количествомъ рабочихъ, опять понижается до своего минимума.

Что же дѣлать трудовой массѣ, которая производитъ колоссальныя богатства, а сама едва жива, едва дышитъ? Луи Бланъ и Лассаль предлагаютъ рабочимъ добиваться всеобщаго избирательнаго права и принудить государственную власть придти имъ на помощь своимъ кредитомъ. Прудонъ предлагаетъ, напротивъ, отвернуться отъ государства въ виду безнадежности его помощи; пусть рабочіе разсчитываютъ только на себя, на свои сбереженія, пусть заботятся о взаимномъ товарищескомъ обмѣнѣ и поддержкѣ.

Рѣзко порываетъ со всѣми этими средствами и пріемами Карлъ Марксъ. Въ его глазахъ, и обращеніе къ государству, и взаимная помощь рабочихъ—остатки старыхъ утопій, т. е. идиллическихъ мечтаній. Надо понять наконецъ, что соціальныя явленія современности — результатъ великаго неудержимаго историческаго процесса; противъ этой лавины смѣшно городить заборы; морской стихіи нельзя противопоставлять плотину, годную для сельской рѣчки. Надо понять, что сила капитала, создавшая бѣдствія рабочихъ, неустранима; но надо также понять, что она по своему благодѣтельна. Капиталъ уничтожаетъ мелкія хозяйства, но въ то же время онъ сметаетъ маленькихъ деспотовъ и тирановъ, онъ устраняетъ всѣ формы зависимости. Капиталъ увеличиваетъ въ безконечной мѣрѣ силу производства и объединяетъ людей въ громадной общей организаціи труда.

Эта общая организація въ данную минуту носитъ еще очень несовершенный характеръ. Одна группа имѣетъ несправедливый перевѣсъ надъ другими: вожди промышленности, классъ предпринимателей, извлекая большія выгоды изъ своей побѣды надъ прежними господами земли, дворянствомъ и духовенствомъ, давитъ всей силой на обширный низшій классъ. Однако надо помнить о фатальномъ законѣ исторіи; ничто не вѣчно, все подлежитъ развитію. Историче-

ская жизнь образуетъ непрерывную борьбу классовъ. Мы присутствуемъ при наступленіи послѣдняго момента борьбы. Классъ предпринимателей, или буржуазія, добиваясь подчиненія себѣ міра, готовитъ собственную гибель, роетъ себѣ могилу, какъ выразился Марксъ. Капиталисты должны уступить свое мѣсто объединенной массѣ рабочихъ.

Эти мысли высказаны Марксомъ уже въ знаменитомъ Коммунистическомъ манифестѣ, который былъ имъ составленъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ въ 1848 году. Въ послѣдующія 35 лѣтъ своей жизни Марксъ занятъ научнымъ обоснованіемъ своихъ положеній. Великій, геніальный ученый, человѣкъ обширныхъ знаній, и яснаго ума, сокрушительной критики, блестящаго стиля, Марксъ работаетъ въ своей лондонской эмигрантской каморкѣ, какъ настоящій пролетарій, на границѣ полуголоднаго существованія. Самъ настоящій аскетъ XIX вѣка, онъ обѣщаетъ трудовой массѣ полное обладаніе всѣми богатствами міра.

У Маркса съ горячей страстью партійнаго дѣятеля удивительно соединяется неумолимая научная логика. Какъ апостолъ пролетаріата, онъ ненавидитъ буржуазію, онъ ждетъ ея гибели съ нетерпѣніемъ. Какъ строгій научный умъ, онъ признаетъ заслугу буржуазіи, великую необходимость ея дѣла въ міровомъ движеніи. Въ страстномъ ожиданіи торжества рабочихъ, онъ ставитъ въ концѣ Коммунистическаго манифеста воззваніе, обошедшее всѣ страны свѣта: «Пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!». Но въ качествѣ научнаго мыслителя, Марксъ не хочетъ, чтобы соціалисты выступали не только съ революціонными попытками, но и вообще съ какими-либо политическими цѣлями. Вѣдь въ общественномъ развитіи нѣтъ ни скачковъ, ни чудесъ, человѣкъ своей волей ничего не можетъ ни ускорить, ни замедлить.

Поэтому для соціалистовъ допустимъ только одинъ видъ поведенія: чтобы они, не упреждая фактовъ, ограничивались наблюденіемъ естественнаго хода вещей; неуклонный ходъ исторіи самъ собою приведетъ къ торжеству рабочаго класса.

И Марксъ предпринимаетъ громадную ученую работу, чтобы обосновать фактами и цифрами свое соціалистическое предсказаніе. Въ его «Капиталѣ», первый томъ котораго вышелъ въ 1867 году, отразились всѣ черты его своеобразнаго дарованія. Холодный, сухой, дѣловой тонъ разсужденія покрываетъ неукротимую страсть соціалиста. Пророкъ, сидящій въ его натурѣ, заставляетъ ученаго доказывать, что всѣ справедливыя требованія будутъ осуществлены, и пролетаріи достигнутъ торжества въ силу самыхъ законовъ исторіи.

Удивительныя свойства геніальнаго ума Маркса создали ему такую школу, такую массу послѣдователей, какой не имѣлъ, вѣроятно, никогда ни одинъ учитель въ мірѣ. До сихъ поръ сотни тысячъ повторяютъ его завѣты и обѣщанія, составляющія его изобрѣтенія: «борьба классовъ», «классовое сознаніе пролетаріевъ», «объединеніе пролетаріата», «обобществленіе орудій производства». Но въ его геніальности заключалась опасная сторона. Онъ гипнотизировалъ массу послѣдователей своей волей, своей желѣзной логикой. Онъ сковалъ мощью своихъ формулъ ихъ разсужденія, отнялъ у нихъ свободу фантазіи, и они не смѣютъ отступить отъ его авторитета.

А между тѣмъ Марксъ сдѣлалъ цѣлый рядъ преувеличенныхъ выводовъ, подъ рѣзкимъ впечатлѣніемъ современныхъ ему событій. Такъ, напримѣръ, въ качествѣ свидѣтеля страшной гражданской войны, которая во Франціи вспыхивала два раза, въ 1848 и въ 1871 году, Марксъ заключилъ, что борьба классовъ будетъ нарастать все больше и больше,

Коммунистической Академіи

что въ ея нарастаніи и заключается главный законъ Новой исторіи. Но онъ ошибся уже относительно своей родины, Германіи, гдѣ столкновенія совсѣмъ не дошли до тѣхъ острыхъ формъ, какія видѣли Англія и Франція въ 40-хъ годахъ XIX вѣка.

Далѣе, Марксъ преувеличилъ грядущій успѣхъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, а въ связи съ этимъ и растущую мощь объединенныхъ пролетаріевъ. Онъ вѣрилъ, что буржуазія одержитъ очень скоро свою послѣднюю побѣду, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея катастрофой. Его послѣдователи превратили эту вѣру въ ожиданіе непосредственно близкаго пришествія новаго строя на землѣ; они готовы были ставить наступленію соціальнаго переворота самые краткіе сроки—10 лѣтъ или даже 5 лѣтъ. Иногда ихъ заявленія принимали тонъ пророчествъ, свойственныхъ эпохѣ ранняго христіанства. На Эрфуртскомъ съѣздѣ германской соціалъ-демократической партіи въ 1891 году, Бебель, отвѣчая тѣмъ, кто осмѣлился сомнѣваться въ близкой соціальной революціи, сказалъ торжественно: «Буржуазное общество съ такою стремительностью идетъ къ собственной гибели, что намъ остается только ждать момента, когда мы возьмемъ покинутую буржуазіей власть въ свои руки. Я говорю вамъ: осуществленіе нашихъ конечныхъ цѣлей столь близко, что въ этомъ залѣ мало людей, которые не доживутъ до желаннаго дня».

IV.

Соціалистическія теоріи заняли опредѣленное мѣсто въ мысли культурнаго человѣчества.

Прежде всего онѣ составляютъ критику тѣхъ порядковъ, которые создались вслѣдствіе подъема капитализма. Соціа-

листы обратили вниманіе на бѣдствія трудовой массы въ новыхъ условіяхъ хозяйства: на тяжелыя послѣдствія оторванности отъ земли, зависимости отъ колебаній всемірнаго рынка и т. д.

Далѣе, соціалисты пытались указать выходъ изъ бѣдственнаго положенія. При всемъ расхожденіи въ средствахъ, они сближались на одной цѣли: должно быть создано общечеловѣческое право труда. Они всѣ глубоко вѣрили въ то, что новый порядокъ не только отвѣчаетъ высшей человѣчности, не только принесетъ болѣе мягкіе нравы, но также обезпечитъ и большую культурность быта, сдѣлаетъ жизнь чище, удобнѣе, практичнѣе. Каждое изъ соціалистическихъ направленій по своему ярко изображало идеальный строй будущаго.

Своею дѣятельностью въ томъ и другомъ направленіи соціализмъ оказывалъ великія услуги обществу. Онъ не давалъ успокоиться на данномъ положеніи вещей ни правительствамъ, ни высшимъ классамъ: онъ ставилъ передъ ними неотступные грозные вопросы, вытекавшіе изъ бѣдственныхъ условій жизни пролетаріевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идеалистическій подъемъ, свойственный соціалистамъ, поддерживалъ въ обществѣ вѣру въ возможность лучшаго строя. Такая вѣра не есть только пріятное состояніе души, утѣшеніе отъ зрѣлища современныхъ золъ. Нѣтъ, это нѣчто гораздо большее: убѣжденность даетъ охоту, энергію къ дѣятельности; безъ такой вѣры человѣчество впало бы въ апатію, размельчилось бы въ будничной заботѣ.

Заслуги соціалистовъ, какъ критиковъ и проповѣдниковъ, громадны. Но вопросъ совершенно иной, какова цѣна соціалистическихъ теорій для проведенія соціальной реформы. Нельзя забывать, что ученія соціализма создавались далеко отъ жизни философами, учеными мыслителями, худож-

никами, литераторами, проповѣдниками. Отстраненные отъ политики, обличители съ неизбѣжностью преувеличивали цѣлебныя средства, которыя они считали нужными для излеченія соціальныхъ болѣзней. Консервативный соціализмъ безконечно вѣрилъ въ благотворную силу общины, хотя она сковала дѣятельность личности. Прогресивный соціализмъ вѣрилъ въ созидательную роль капитала, несмотря на то, что до сихъ поръ приходилось отмѣчать только его разрушительныя дѣйствія.

Совѣты вождей соціализма относительно участія въ будущей революціи расходились между собой такъ же рѣзко, какъ ихъ теоретическіе планы и мечты.

Консервативные соціалисты большею частью вѣрили въ великое народное возстаніе, въ которомъ они сами выступятъ вождями. Силою общенароднаго порыва немедленно водворится коммунизмъ. Въ этомъ отношеніи особенно типичны Бланки и Бакунинъ, неутомимые организаторы заговоровъ, мятежей и баррикадныхъ боевъ, начиная отъ 30-хъ и до 70-хъ годовъ XIX столѣтія.

Прогрессивный соціализмъ становится на противоположную точку зрѣнія. Марксъ вообще отказывается отъ всякой попытки давать практическіе совѣты, какъ производить соціальный переворотъ. Со свойственной ему иронической манерой онъ говоритъ: «я не намѣренъ писать рецепты для будущей соціальной кухни». И самъ Марксъ, и его послѣдователи много разъ повторяли, что подготовкой соціальной революціи они не могутъ и не должны заниматься: они не хотятъ впадать въ фантазіи и повторять случайныя попытки утопистовъ и бунтарей. Дѣло соціализма установить научно ходъ исторіи и наблюдать дѣйствительность. Немыслимо направлять процессъ общественнаго развитія и безполезно пробовать что-либо въ этомъ духѣ. Въ нужный моментъ, когда событія сами завершатся, слѣдуетъ найти свое естественное мѣсто.

Согласно взглядамъ учителя, соціалъ-демократическія партіи въ европейскихъ странахъ ограничивались пропагандой идей въ литературѣ и на митингахъ, обсужденіемъ вопросовъ общественнаго устройства будущаго на соціалистическихъ конгрессахъ, собираніемъ голосовъ рабочихъ на выборахъ. Отъ участія въ практической политикѣ они послѣдовательно уклонялись.

Германская соціалъ-демократія, которой пришлось дать первую пробу парламентской тактики, понимала свою задачу такъ: ни въ одномъ изъ дѣйствій и рѣшеній современнаго правительства, опирающагося на буржуазныя партіи, участвовать соціалистамъ нельзя ни въ какой мѣрѣ, потому что участіе означало бы поддержку даннаго строя, осужденнаго на неминуемую гибель; оно вмѣстѣ съ тѣмъ нанесло бы нравственный ударъ соціализму, положило бы несмываемое пятно на его чистоту. Отсюда не можетъ быть рѣчи ни о какихъ соглашеніяхъ и блокахъ съ другими партіями, какъ буржуазными; всѣ предлагаемыя ими мѣропріятія подлежатъ отстраненію. Бюджетъ безусловно надо отвергать въ цѣломъ, хотя бы въ немъ были частности, безразличныя или даже пріемлемыя для соціалистовъ. Вступленіе соціалиста въ составъ министерства и подавно немыслимо.

Разъ избравъ путь уклоненія отъ практической политики, соціалъ-демократія пошла очень далеко. Она отказалась отъ внесенія собственныхъ проектовъ улучшенія быта рабочихъ, и все по тѣмъ же побужденіямъ: изъ нежеланія работать вмѣстѣ съ буржуазіей и помогать продленію современныхъ порядковъ. Вслѣдствіе этого партія сама осудила себя на пассивную роль. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше она вызывала нареканія за неподвижность и бездѣятельность.

Въ ея собственной средѣ образовалась группа ревизіонистовъ, которые указывали на непрактичность политики чистаго выжиданія. Ревизіонисты предлагали принять участіе

въ рабочемъ законодательствѣ, не отвергать бюджета тамъ, гдѣ онъ въ цѣломъ благопріятенъ демократіи, не уклоняться отъ вступленія во власть, если соціалисту будетъ предложенъ портфель министра. Ревизіонисты оставались въ меньшинствѣ на соціалистическихъ конгрессахъ, и послѣ ряда дебатовъ побѣдила тактика непримиримыхъ. Когда во Франціи въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія соціалистъ Мильеранъ согласился вступить въ буржуазное министерство, большинство единомышленниковъ вынесли ему приговоръ осужденія за сотрудничество съ господствующимъ классомъ и потребовали его исключенія изъ партіи.

Нечего и говорить, какъ вредно отразилось это политическое воздержаніе на внутренней жизни соціалистической партіи. Оно какъ бы упраздняло значеніе практическихъ и техническихъ талантовъ среди соціалистовъ: оно искусственно удерживало всѣхъ активныхъ дѣятелей въ области литературы или ораторской трибуны. Для того соціалиста, который не удовлетворялся этой сферой чисто идейной дѣятельности или не находилъ здѣсь приложенія своихъ способностей, оставался только одинъ выходъ, тяжелый и нравственно сомнительный—измѣнить своей партіи. Пусть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ постороннему наблюдателю было ясно, что причина такой измѣны лежитъ въ общихъ условіяхъ, что лично въ ней никто не виноватъ, но все-таки вынужденный уходъ талантливыхъ людей былъ трагедіей и для партіи, и для нихъ самихъ.

А главное—партія замораживала себя на неподвижной программѣ, ея позиція становилась все болѣе и болѣе отвлеченной, нежизненной.

Въ нашемъ отечествѣ къ условіямъ, заключавшимся въ воззрѣніяхъ партійныхъ дѣятелей, прибавились тяжелыя внѣшнія обстоятельства, прибавился политическій запретъ,

который налагалъ на соціализмъ старый строй. Такъ какъ соціалисты не могли ни организоваться, ни даже высказываться, то имъ пришлось сдѣлаться революціонной партіей, т. е. поставить на первое мѣсто вопросъ политическаго освобожденія. Предлагать какія-либо практическія реформы было прямо невозможно, пока общество не достигло самыхъ элементарныхъ условій гражданскаго существованія. Оттого представители обоихъ видовъ соціализма, и консервативнаго, и прогрессивнаго одинаково, стали революціонерами. Въ названіяхъ соціалъ-демократической революціонной партіи и партіи соціалистовъ-революціонеровъ главное удареніе лежало собственно на второй половинѣ. Все отступало на задній планъ передъ задачей политическаго освобожденія.

Результаты для самихъ соціалистическихъ партій были у насъ тѣ же, что на западѣ, и даже еще худшіе въ смыслѣ развитія крайней непрактичности. Сторонники соціализма, безсильные организоваться, лишенные возможности обсуждать какіе-либо вопросы реальной политики, были задвинуты въ узкую кабинетно-литературную сферу. Имъ оставалось только, возвращаясь къ своему блестящему научному прошлому, пересматривать классиковъ, развивать теоретическія положенія своихъ учителей, идеализировать геніальныхъ предшественниковъ и мужественныхъ борцовъ революціи. Все болѣе и болѣе утверждались они на безконечномъ повтореніи своихъ отвлеченныхъ системъ и формулъ, которыя тѣмъ временемъ становились все менѣе соотвѣтствующими окружавшей жизни.

V.

Въ такомъ состояніи наши соціалистическія партіи застаетъ революція. Каково бы ни было ихъ участіе въ политической революціи—а оно было очень значительно—но резуль-

татъ переворота для соціалистовъ прежде всего тотъ, что въ ихъ названіи отпадаетъ вторая половина, обозначеніе ихъ какъ партій революціонныхъ. Они теперь *просто соціалисты*. Вѣдь логической внутренней связи между соціализмомъ и революціей нѣтъ. Ранніе соціалисты той эпохи, когда власти еще не взяли ихъ подъ подозрѣніе, Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуенъ, говорили самымъ миролюбивымъ языкомъ. Соціализмъ былъ вынужденъ принять воинственный оттѣнокъ, усвоить себѣ угрожающій тонъ исключительно въ результатѣ запретовъ и преслѣдованія, исходившаго отъ правительственной власти.

Перемѣна въ названіи образуетъ однако важную перемѣну по существу. Для соціалистовъ такъ же, какъ для всѣхъ другихъ партій, прошли дни революціи. Но прошли также годы утопическихъ мечтаній, пассивнаго выжиданія, научной подготовки. Нѣтъ больше основаній оставаться въ сторонѣ, въ непримиримой оппозиціи; нѣтъ основаній уклоняться отъ власти и отъ участія въ управленіи. Теперь было бы непростительной ошибкой упустить моментъ и отстраниться отъ важныхъ рѣшеній. Для соціалистовъ такъ же, какъ для другихъ партій, насталъ періодъ *реформаторской* дѣятельности.

Вотъ почему теперь, среди политической свободы, такой несообразностью звучатъ воинственные призывы къ борьбѣ классовъ, къ экспропріаціи имущихъ. Разберемся нѣсколько въ этихъ странныхъ рѣчахъ.

Прежде всего мы спросимъ съ изумленіемъ: «какъ, это и есть ваша практическая программа? Или, можетъ быть, вы продолжаете вслухъ свои кабинетныя, ученыя выкладки, не замѣчая того, что возбужденная масса хочетъ васъ понять въ самомъ буквальномъ смыслѣ словъ?». Если это все еще старыя теоретическія разсужденія временъ политическаго за-

прета и вынужденнаго сидѣнія въ четырехъ стѣнахъ, то желательно вспомнить, какъ понимали борьбу классовъ и экспропріацію имущихъ основатели соціалъ-демократическаго ученія.

Марксъ, впервые выставившій формулу *экспропріаціи экспропріаторовъ*, разумѣлъ исполненіе великаго историческаго закона. Вожди капитализма въ свое время отняли у рабочаго все: и землю, и орудія труда, отняли осѣдлость, домъ и родину. Такъ же точно, въ силу историческаго возмездія, когда придетъ великій судный день, у побѣдителей отнимется объединенное богатство, которое они сосредоточили въ своихъ рукахъ. Какъ надо понимать исполненіе этого предсказанія? Кто и когда приступитъ къ этому дѣлу? Согласно теоріи, экспропріація произойдетъ въ концѣ промышленнаго переворота, когда большія предпріятія поглотятъ всѣ среднія и мелкія и этимъ способомъ объединятъ всѣхъ пролетаріевъ. Раньше было бы неразумно добиваться соціальной перемѣны.

Если держаться ученія, быть по настоящему вѣрнымъ Марксу, для экспропріаціи моментъ еще не насталъ: сохранилась масса среднихъ и мелкихъ предпріятій; сохранился обширный классъ крестьянъ, самостоятельныхъ хозяевъ на землѣ; образовался интеллигентный пролетаріатъ, который однако не зависитъ отъ крупнаго капитала.

Такимъ образомъ жизнь уже внесла рядъ поправокъ къ теоріи, установившей законъ борьбы классовъ, и соціалисты въ тѣхъ странахъ запада, гдѣ имъ открылась практическая дѣятельность, постепенно отвыкаютъ отъ устарѣлаго способа выраженій. Жоресъ еще въ 1900 году говорилъ, возражая вождю непримиримыхъ, Геду: «борьба классовъ должна оставаться основой соціалистической политики, но этотъ принципъ не можетъ указать тактику во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ; поэтому слѣдуетъ присматриваться къ интересамъ

пролетаріата. Не состоитъ ли его интересъ въ томъ, чтобы присоединиться къ передовой буржуазіи, которая борется противъ реакціонныхъ силъ? Во всѣхъ странахъ соціалисты вынуждены сдѣлать уступки въ сторону практической политики; такая политика нисколько не замедляетъ переворота,— она его облегчаетъ. Всѣ великіе перевороты осуществились въ мірѣ благодаря тому, что новое общество, прежде чѣмъ развернуться, проникло черезъ всѣ трещины, пуская множество мелкихъ корней, въ почву стараго общества».

Такъ измѣнились взгляды и самый языкъ у людей, которые стали на почву практической политики. Съ неизбѣжностью та же перемѣна должна произойти и у нашихъ соціалистовъ, какъ только они примутся за политическое дѣло. Они сейчасъ же увидятъ, что объ экспропріаціи имущихъ въ буквальномъ смыслѣ, объ экспропріаціи немедленной не можетъ быть и рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ на одну минуту, что объявлена экспропріація въ качествѣ общаго государственно-революціоннаго акта: предстоитъ отобраніе у современныхъ предпринимателей и капиталистовъ денежныхъ средствъ, земли, строеній, машинъ, орудій. Удастся ли такой переворотъ и откроетъ ли онъ въ случаѣ удачи ожидаемыя выгоды? Безъ сомнѣнія, нынѣшніе обладатели капиталовъ поспѣшатъ, въ виду такой перспективы, перевести все, что возможно, на деньги и отправить за границу; очень значительное количество ихъ можетъ попробовать счастія въ эмиграціи. Такое ускользаніе капитала само по себѣ составитъ серьезный уронъ. Затѣмъ имущественныя средства, которыя не удастся переправить такимъ способомъ, должны сильно пасть въ цѣнѣ. Такъ какъ угроза экспропріаціи заставитъ пріостановить и забросить большую часть предпріятій, потеря возрастетъ еще больше: вѣдь главное богатство добы-

вается оборотомъ, а, помимо оборота, наличныя средства, и безъ того сократившіяся вслѣдствіе ухода заграницу, потеряютъ всякое значеніе. Конфискованныя имущества пойдутъ за безцѣнокъ. Наконецъ, какъ бы ни было сильно нерасположеніе соціалистовъ къ буржуазіи, надо же отдать справедливость нынѣшнимъ техникамъ и вождямъ промышленности: они вкладывали много энергіи, интереса, привычки къ дѣлу; устраненіе ихъ отъ того занятія, съ которымъ они сжились, внесетъ не мало разстройства въ существующія предпріятія.

Ясно, что экспропріація невыгодна для общества. Мы и такъ небогаты, какъ страна, какъ народъ, а станемъ еще гораздо бѣднѣе. Рабочіе, въ интересахъ которыхъ будетъ произведена экспропріація, пріобрѣтутъ очень мало и, можетъ быть, окажутся не въ силахъ продолжать многія крупныя дѣла.

Можно быть увѣреннымъ, что, разъ ставши у власти, соціалъ-демократы найдутъ болѣе осторожнымъ и выгоднымъ не конфисковать, не «соціализировать» крупныхъ предпріятій, а приступить къ ихъ постепенной реорганизаціи. Первый шагъ въ этомъ направленіи совершенно ясенъ, давно намѣченъ и уже началъ осуществляться: это—участіе рабочихъ въ прибыляхъ дѣла. Съ неизбѣжностью введеніе рабочихъ въ хозяйственныя интересы предпріятія повлечетъ за собою реформу администраціи: рабочіе естественно пріобрѣтутъ контроль надъ управленіемъ дѣла. Такимъ способомъ они будутъ все болѣе и болѣе органически входить въ жизнь сложнаго цѣлаго, гдѣ раньше они были лишь пассивными, разрозненными коллегами. Предпріятіе будетъ чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становиться общимъ дѣломъ всей организаціи трудящихся. Сама организація постепенно обратится въ товарищество, которое въ дѣйствительности овладѣетъ орудіями труда.

Путь превращенія прогрессивнаго соціализма изъ учено-революціонной группы въ практически-преобразовательную партію ясно намѣчается. Это превращеніе уже началось, и можно только радоваться, что мы получимъ въ представителяхъ соціалъ-демократіи, помимо талантливыхъ публицистовъ и народныхъ работниковъ, еще цѣлый рядъ даровитыхъ и горячо преданныхъ дѣлу техниковъ и организаторовъ.

VI.

Та же перемѣна, но только много рѣшительнѣе, совершается въ средѣ представителей консервативнаго соціализма, быстро превращающихся изъ утопистовъ въ практическихъ политиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еще недавно революціонная программа соціалистовъ-народниковъ требовала отобранія всей частновладѣльческой земли и передачи ея крестьянскимъ общинамъ. Такую форму распредѣленія земли, при которой деревенскіе міры распоряжаются ею въ своей средѣ и господствуютъ надъ жизнью отдѣльныхъ хозяевъ, назвали *соціализаціей земли*.

Мысль о соціализаціи земли была очень важна для соціалистовъ-народниковъ: она связана у нихъ съ особенной нравственной оцѣнкой крестьянина, съ его идеализаціей. Почему крестьянинъ лучше помѣщика въ качествѣ обладателя земли? Не потому только, что онъ лично трудится, но и потому, что онъ общинникъ, что онъ находится въ обладаніи мірской правды, что онъ—прирожденый соціалистъ. По этой чертѣ можно узнать происхожденіе программы соціалистовъ-народниковъ изъ глухихъ временъ самодержавія. Тогда за отсутствіемъ свободы, при полной невозможности дѣйствовать на пользу крестьянъ, мысль друзей народа цѣпляласъ за тѣ деревенскіе порядки, которые, казалось, объединяютъ

еще крестьянъ. Въ свое время противники народническаго соціализма, соціалъ-демократы доказали ясно и неопровержимо, что община—форма отсталая и непригодная. Община связываетъ сельскихъ хозяевъ одинаковыми условіями обработки, стѣсняетъ, отнимаетъ у нихъ энергію и иниціативу, держитъ всѣхъ принудительно на низкомъ уровнѣ культуры.

На западѣ, гдѣ соціализмъ раньше долженъ былъ вступить на почву практической политики и приспособиться къ требованіямъ жизни, въ вопросѣ распредѣленія земли, вмѣсто старыхъ коммунистическихъ ученій, появились новыя направленія.

Во первыхъ—ученіе американца Генри Джорджа, который предложилъ повести раздробленіе крупной собственности и созданіе собственности мелкой чисто дѣловымъ способомъ, поставивъ все на почву финансовой и экономической реформы. Государство облагаетъ пустующія и слабо обрабатываемыя земли большимъ налогомъ, побуждаетъ такимъ образомъ крупныхъ собственниковъ къ отказу отъ своихъ владѣній и продажѣ ихъ мелкими участками. Государство становится владѣтелемъ большихъ земельныхъ территорій и посредникомъ въ передачѣ земли новымъ пользователямъ, представляющимъ личный трудъ. Такой способъ пріобрѣтенія земельнаго фонда государствомъ получилъ названіе *націонализаціи* земли.

Во вторыхъ, на ряду съ программой Джорджа въ Англіи появилось еще другое направленіе: землю пріобрѣтаетъ для мелкихъ владѣльцевъ или мелкихъ пользователей городское или сельское управленіе, муниципія; отсюда названіе для новой формы практическаго соціализма—*муниципализація земли*. На этой основѣ въ Англіи были изданы два закона, въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка.

Наши партіи соціалистовъ-народниковъ, вотъ уже нѣ-

сколько лѣтъ, какъ ввели въ свою программу, рядомъ съ устарѣлой соціализаціей земли болѣе современныя требованія націонализаціи и муниципализаціи земли. Они какъ бы молчаливо признали, что вгонять крестьянъ назадъ въ старую общину было бы неразумно, и предоставляютъ крестьянамъ рѣшать самимъ, будетъ ли вновь пріобрѣтаемая земля переходить къ отдѣльнымъ лицамъ или къ обществамъ, и, еще, будутъ ли эти общества—стараго типа принудительныхъ союзовъ, или новаго, свободныхъ кооперацій, или ассоціацій.

Здѣсь заключается важная уступка, отказъ чуть-ли не отъ главнаго догмата консервативнаго соціализма. Въ ней заключается признаніе того факта, что сильнѣйшимъ побудителемъ для всякаго хозяина земли является свобода дѣйствій. Слѣдовательно руководящимъ принципомъ земельной политики становится не *соціалистическое* начало общины, а *индивидуалистическое* начало личной иниціативы. Образованіе въ деревнѣ кооперацій, товариществъ, ассоціацій будетъ только дальнѣйшимъ примѣненіемъ начала личной свободы. Форму эту никто не будетъ навязывать, ее будутъ только рекомендовать.

Таковы перемѣны, совершившіяся въ программѣ консервативнаго соціализма ранѣе самаго приступа къ реформѣ. Но разъ только начнется реформа, придется еще дальше приспособляться къ жизни, освобождаться отъ теоретической односторонности.

Пока существовалъ старый строй, который поддерживалъ несправедливое распредѣленіе земли, соціалисты устремляли все свое вниманіе на вопросъ о передѣлѣ; все остальное въ сравненіи съ утоленіемъ земельной жажды крестьянъ казалось неважнымъ. Осуществленіе реформы выдвинетъ другія стороны вопроса, между прочимъ — техническую: передѣлъ земли долженъ быть не только справедливымъ, но и хозяй-

ственно выгоднымъ. Нельзя дать мелкимъ хозяевамъ землю и бросить ихъ затѣмъ на произволъ судьбы. Надо открыть имъ широкій кредитъ на улучшеніе хозяйства, надо приспособить къ ихъ нуждамъ новые пути сообщенія, надо широко поставить профессіональное образованіе. Если не приняться за всѣ эти усовершенствованія, въ земельномъ передѣлѣ не будетъ никакого культурнаго смысла. Новые владѣльцы земли останутся на прежнемъ жалкомъ уровнѣ, при старой своей бѣдности.

Но для того, чтобы поставить аграрную реформу на нужную техническую высоту, надо привлечь интересъ буржуазіи, надо обратиться къ содѣйствію городскихъ капиталовъ, необходимъ тѣсный союзъ съ промышленными кругами. Мы уже видѣли, что ихъ не слѣдуетъ пугать экспропріаціей. Но этого мало: ихъ надо увлечь аграрной реформой, надо оживить сельское хозяйство капиталами и сбереженіями городскихъ классовъ.

На земельномъ вопросѣ ясно видно, какъ сильно должны видоизмѣниться взгляды и политика партій, называвшихъ себя до сихъ поръ соціалистическими и революціонными. Прежде всего консерваторы и прогрессисты соціализма должны подойти другъ къ другу.

Соціалъ-демократы считали земельную реформу, предлагаемую соціалистами-народниками, сплошной ошибкой и недоразумѣніемъ. «Стоитъ ли крестьянамъ отдавать землю, стоитъ ли сохранять этихъ маленькихъ капиталистовъ, если все равно крупное производство смететъ ихъ съ лица земли? Дайте дорогу техникѣ и капиталу, пускай они сначала сгонятъ крестьянъ съ земли, обратятъ ихъ въ пролетаріевъ; въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей пролетаріи объединятся и добудутъ вновь землю для своей организаціи!». Такъ разсуждали соціалъ-демократы раньше. При соприкосновеніи съ жизнью

они должны уступить, признать живучесть крестьянства, которое они одно время пренебрежительно называли мелкой буржуазіей. Соціалъ-демократы должны допустить, чтобы мелкіе хозяева были надѣлены землей; но этого мало—чтобы ихъ положеніе было укрѣплено кредитомъ, государственной поддержкой. Они должны пожертвовать важнѣйшимъ догматомъ своего ученія.

Но, съ другой стороны, и соціалисты-народники должны покинуть свои утопіи относительно общины. Крестьяне не захотятъ идти назадъ въ принудительные союзы. Имъ нужно свободное владѣніе. И они правы: за нихъ говоритъ опытъ новыхъ передовыхъ странъ, Австраліи, Америки, гдѣ мелкіе земельные собственники достигли большихъ успѣховъ и гдѣ отъ самостоятельнаго хозяйства энергичныхъ и просвѣщенныхъ крестьянъ выиграла вся страна. Но великая земельная реформа неосуществима безъ содѣйствія городского капитала. И соціалисты-народники должны сдѣлать новую уступку: преодолѣть свое нерасположеніе къ капитализму, войти въ союзъ съ буржуазіей.

Насъ могутъ спросить: «если всѣ названныя уступки будутъ сдѣланы, то не перестанутъ ли сторонники соціалистическихъ партій быть не только революціонерами, но и соціалистами».

Придется отвѣтить, что пожалуй это такъ и будетъ, или, иными словами, соціализмъ сойдетъ съ неба на землю, претворится изъ мечты въ жизнь и дѣло. Будетъ ли такая перемѣна паденіемъ, гибелью нравственной чистоты, измѣной принципамъ? Нѣтъ, это будетъ лишь естественной и неизбѣжной судьбой всякой теоріи, если только она не хочетъ быть забытой, вычеркнутой изъ числа живыхъ.

Вспомнимъ еще разъ, чѣмъ былъ соціализмъ въ культурномъ развитіи человѣчества. Ученія соціалистовъ были

острой и горячей критикой существующаго строя. Безъ этой критики мы не имѣли бы побужденія къ реформѣ, мы бы сидѣли сложа руки. Далѣе, соціализмъ настойчиво рисовалъ намъ идеалъ, ставя общую цѣль впереди. Не слѣдовало идеалъ принимать за практическую программу. Но, съ другой стороны, немыслимо было и отстранять идеальную цѣль: не будь ея, мы бы не знали, въ какомъ направленіи должна идти наша работа.

Эта двойная заслуга соціализма остается за нимъ въ полной мѣрѣ.

Складъ изданія: Москва, Страстной бульваръ, д. 5.
Тел. 3-96-34.

Того же издательства вышли въ свѣтъ:

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. И. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 5 к.

№ 2. **Прив.-доц. А. И. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Цѣна 5 коп.

№ 3. **Прив.-доц. И. А. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 8 к.

№ 4. **И. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Ц. 15 коп.

№ 5. **И. Езерскій.** Наши союзники англичане Цѣна 30 коп

№ 6. **И. Езерскій.** Наши союзники бельгійцы. Цѣна 15 коп.

№ 7. **И. Езерскій.** Наши союзники французы. Цѣна 25 коп.

№ 8. **П. Преображенскій.** Учредительное Собраніе на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Виппер.** Соціализмъ и соціальная реформа. Цѣна 20 к.

Складъ изданія: Москва, Страстной бульваръ, 5, гимназія Потоцкой, Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета.